

НАРОДНЫЙ АРТИСТ БССР

В. И. ВЛАДОМИРСКИЙ

Народный артист БССР В. И. Владимирский — один из старейших и одареннейших мастеров белорусского сценического искусства. Неисчерпаемая творческая фантазия, интуиция и огромный запас

жизненных наблюдений подсказывают ему одну за другой черты поведения изображаемого лица. Он собирает их бесчисленное множество и лишь потом начинает отбирать наиболее характерные для данного образа. Обобщая сочные, красочные, сменяющиеся одна другой, подготовляющие одну другую актерские детали, тщательно отобранные и отделанные (мы имеем в виду его лучшие роли), актер создает монолитные, цельные образы. В «Гибель вояка» Владимирский играет Абабурку. Это едва ли не лучшая его роль за последние годы. Из небольшой эпизодической роли, обладающей, правда, незаурядными драматургическими достоинствами, актер создает настоящий шедевр. Легко избегая опасности скатиться в шаблон в изображении вредителя, Владимирский создает оригинальный, жизненный, правдивый образ. С помощью ряда ярких внешних приемов он раскрывает смену психологических состояний Абабуры, которые происходят на протяжении рокового для него дня.

Абабурка Владимирского индивидуален и одновременно типичен. Индивидуален в своих человеческих особенностях, в походке, в речи, типичен — в манере поведения, в метко схваченных особенностях отношения к окружающим. Абабурка самоуверен и самодоволен. Безмятежно вершит свои вредительские дела, зная, что ему обеспечены поддержка и заступничество

«сверху». На действия Добрынина он смотрит, как на мелкое, легко преодолимое, хотя и неприятное препятствие. «Ишь ты, чиж!» — бросает он по адресу Добрынина. И в этой удивленно-раздраженной реплике есть даже какая-то нотка добродушного юмора над мешающим ему человеком.

Но стоило Абабурке узнать о том, что люди, на которых он опирался в своих действиях, разоблачены, как он теряет голову, становится бессилен, безволен, истеричен. Появление в шестой картине — это уже агония. Развитие образа здесь завершается. Такова общая линия актерского раскрытия роли.

Присмотримся теперь к краскам, которыми пользуется актер.

Абабурка Владимирского в движениях небрежен и как бы механичен. В походке «в развалку», в неповторимой небрежной манере сплевывать, в интонациях голоса, которым он диктует рапорт о «выполнении плана сева» — самодовольство и спесь. В отношениях с окружающими у него огромное количество оттенков. В обращении с колхозниками он полон наглостью заносчивости и начальственного величия (чего, например, стоит сценка подготовки к приему колхозников). Он не терпит возражения.

Но вот роковой звонок Французевича. Все тем же беспечным шутилым тоном Владимирский бросает в трубку: «Что это ты будто не еврей!»... и вдруг лицо его вытягивается, весь он как бы обмякает. Он понял, о чем говорит Французевич, он понял, что

арестом его «высоких» покровителей почва ушла из-под его ног. Первое его стремление — замести следы последних гнусных дел. Голосом, который становится «неподобным» на прежние самодовольные начальнические раскаты, он лепечет в трубку слова о признании ошибки с рапортом. Но Добрынин дает понять, что понимает его маневр. Абабурка теряется еще больше. Язык его заплетается: «Пропро... протурактурка»... силится выговорить он, и снова бессвязный лепет о том, что «арест конюха — ошибка, что Рабичко — славный такой старичок».

Владимирский мастерски владеет искусством игры с вещью. Вещи оживают в его руках, становятся выразителями внутреннего состояния персонажа. Задержав в момент прихода Харькевича штора, опилки, которые взволнованный Абабурка никак не может вынуть из коробки и смешино рассыпает, стул, на котором он в волнении хотел было присесть, да так и не пришел; шляпа и бутылка в руках Шмаги («Без вины виноватые») и десятки других великолепных по тонкости отделки моментов работы актера с вещами — не самодавлеют, не являются пустым развлекательным трюком, но пронизаны общей мыслью, помогают раскрытию основного замысла роли. Так обращаться со шляпой, так носить новое пальто — мог только Шмага. Так положить телефонную трубку — мог только Абабурка и только в данной ситуации.

В. И. Владимирскому следует развивать в себе чувство меры, которое подчас у него утрачивается. Хочется напомнить артисту слова великого Гете: «Искусство — это уметь жертвовать», то есть уметь отбирать из найденного в муках творчества лишь самое необходимое и безжалостно отбрасывать, пусть ценнейшие, но лишние детали. Владимирский никогда не повторяется. Для каждой новой работы он находит новые средства выразительности, он любит острую внешнюю характерность. Шмага у него в движениях эластичен, тело его обладает свойством как бы повторять форму предметов, с которыми он соприкасается. Это замечательно подчеркивает основную внутреннюю особенность Шмаги, уживчивость в отношениях с окружающими, умение легко и удобно приспособляться к людям.

Иван Колосийцев («Последние») в его исполнении — человек, который все вре-

мя играет. То он разыгрывает добродетельного отца семейства, то государственного человека. Холеной бородой, осязаний, он пытается подражать Александру III. В сочетании с общей характеристикой Ивана это получает особый смысл, особую остроту.

Индивидуальный творческий метод В. И. Владимирского, его любовь к внешней характерности, к мастерству детали дают ему возможность прекрасно справляться с ролями, в которых преобладают эти особенности. В тех же ролях, в которых преобладает сложный психологизм, в ролях романтично-героических актер терпит неудачу. Вершинин в «Бронепоезде» ему не удался. Драматургическая природа образа не допускает использования собственных Владимирскому приемов. И актер теряется перед несвойственной ему ролью. Он зажимается, теряет правдивость, становится декламационен. Жесты его невыразительны, монологи патетично-фальшивы. Он не может правильно найти точек соприкосновения с партнерами, не видит средств для конкретизации исполнения. Подобная неудача постигла его в свое время и в роли Франка в «Жакерии». Видеть в этом слабость актера — неверно. Просто роли эти вне его индивидуальных особенностей.

Язык в «Соловье» более понятен и близок ему по характеру роли, по качеству темперамента, заложенного в драматургическом материале. В этой роли есть где развернуться его актерской выдумке, применить острый глаз. Поэтому Владимирскому удастся создать образ человека сильного духом, весомый, конкретный образ народного героя.

Хочется добавить еще несколько слов об одном замечательном качестве этого художника. Обладая опытом и талантом, Владимирский никогда не перестает искать, учиться. С исключительным трудолюбием работает он над ролью, пока не достигает желаемого результата. Он сам критичен и строг к себе. Он способен мужественно и оптимистически относиться к замечаниям режиссера или критика, убедительно указывающих на его ошибки, он способен, не считаясь ни с временем, ни с трудом исправлять недочеты. Этому должна учиться у народного артиста В. И. Владимирского наша театральная молодежь.

Ант. СЕГЕДИ.